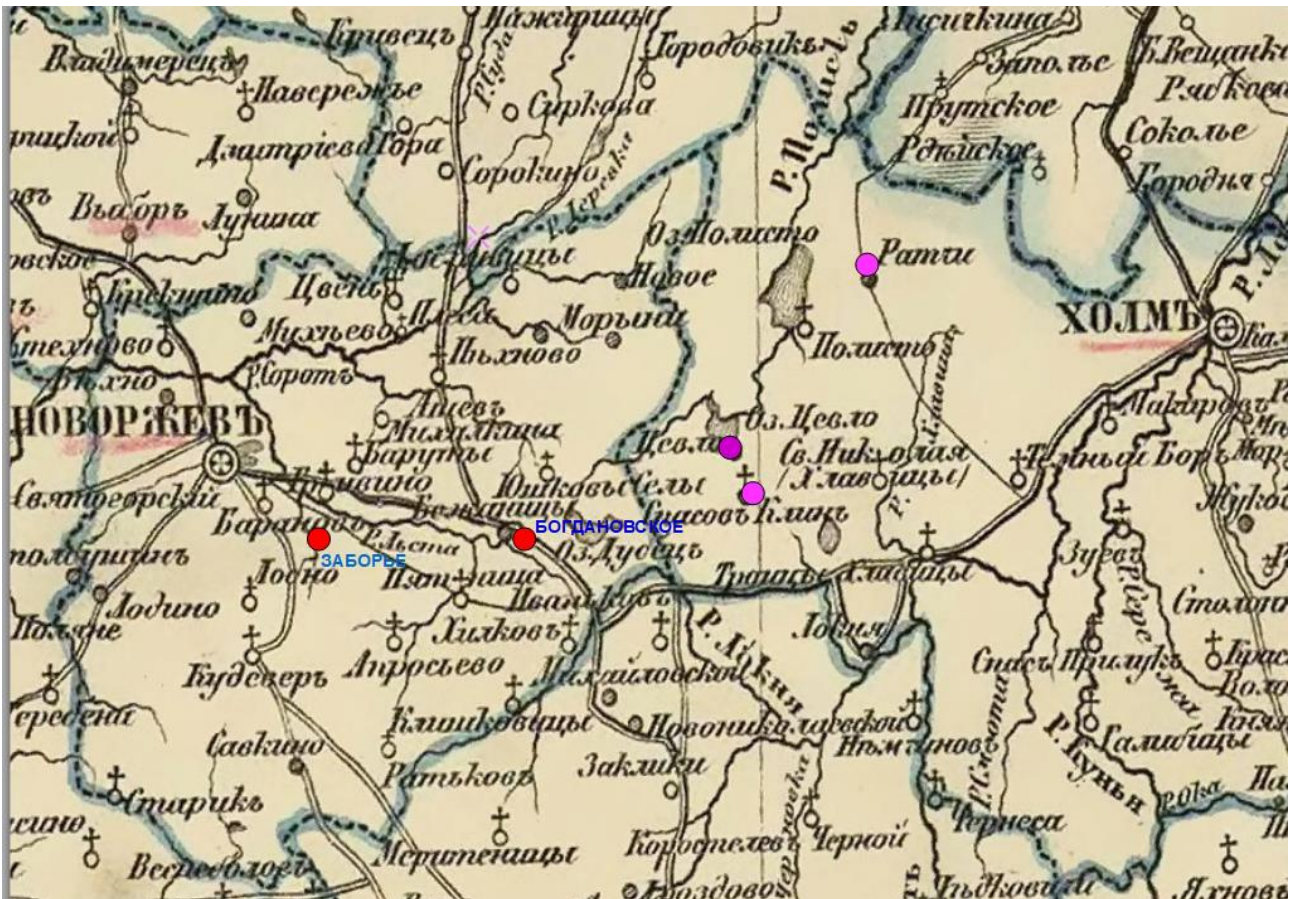

Цевельский детектив (о сгоревшем селе Цевле)

Полина Васильева
п. Бежаницы
2021 г.

В Государственном архиве Псковской области (ГАПО) в фонде Гражданского губернатора имеется дело, которое называется «О сгоревшем селе Цевле помещицы Креницыной Новоржевского уезда». Читая его, погружаемся прямо-таки в детективную историю.

Расследование. 21 апреля 1821 г. в Холмском уезде сгорело село Цевло, принадлежащее холмской помещице Пелагее Николаевне Креницыной (урождённой Философовой). Ныне это территория Бежаницкого района Псковской области. Загорелся амбар, в котором хранилось до 2-х пудов пороха. После взрыва амбара загорелся господский дом. Во время пожара сгорело и похищено господское имущество более чем на 400 000 руб. в том числе: хлеб на 25 000 руб, лошади на 12 000, кабинет физический на 12500 руб., монет золотых на 8500 руб., библиотека на 15 000 руб., фарфор на 8100 руб., хрусталь на 4500 руб., вин и водок на 4500 руб., гардероб покойного мужа на 8700 руб., материи разные на 23000 руб., мебель красного резного дерева и карельской берёзы на 18600 руб., растения в оранжереях на 5200 руб., инструменты музыкальные и ноты на 27500 руб. Вместе с домом сгорели церковь и множественные

хозяйственные постройки на сумму 110 000руб. По этому делу проводил следствие дворянский заседатель Холмского земского суда Полибин. Сама же Креницына в то время проживала в селе Заборье Новоржевского уезда (в нескольких верстах юго-восточнее Новоржева. — П.В.) Она подозревала в поджоге и похищении её имущества бывшего управляющего имением Фёдора Алексеева. Он якобы, по словам дворовых людей, дал приказание спасти не господское имущество, а свое собственное. И ещё, как до пожара, так и после вывозил имущество под видом своего в разные места. Госпожа Креницына была недовольна ходом официального следствия и подала жалобу государю-императору. Сенат запросил псковского губернатора, тот через губернское правление — холмский земский суд. В рапорте Холмского земского суда псковскому гражданскому губернатору Борису Анатольевичу Адеркасу о произведённом расследовании говорилось, что дело на 16 мая не закончено, так как г-жа Креницына не представила, на вольноотпущенного дворового человека Фёдора Алексеева, подозреваемого ею, доказательств. 3-х пудов серебра не нашли.

Дело было передано на доследование Псковскому Губернскому правлению, а именно советнику Полозову совместно с членами Холмского уездного суда и уездным стряпчим.

Доследование. Командированный Полозов проводил доследование с дворянином 7 класса (подполковник) Дмитрием Рокотовым¹ и со стороны подозреваемого холмским уездным стряпчим Алексеевым. Сама же Креницына пригласила брата своего Д.Н. Философова помочь разобраться в этом деле. 24 июня господин Полозов рапортовал псковскому гражданскому губернатору фон Адеркасу, что в ходе следствия «открываются следы похищения имеющегося во время пожара. Подозрение пало на управителя этого имения, отпущенного на волю дворового человека Фёдора Алексеева». Дочь управителя была выдана замуж за петербургского купца Ефима Филатова сына Затейщикова проживающего в г. Холме. Якобы по показаниям многих Алексеев отправлял и к ним какое-то имущество. По этой причине у них был проведён обыск. На тот момент купец Затейщиков уехал со своими братьями на барках в Петербург, где проживал их 4-ый брат. Полозов предложил обратиться за помощью к С.-Петербургскому губернскому обер-полицмейстеру, с предложением сделать обыск у Затейщиковых, разведать у рабочих людей на барках, не вывезено ли что в Петербург.

Обыски, проведённые в Петербурге, и опрос людей ничего не дали. Похищенного не нашли. Как не нашли его и при обысках в доме священника погоста Спасов Клин Петра Михайлова (где в это время проживал Алексеев со своим семейством). Алексеев подал Полозову прошение с просьбой при нём производить следствие и писал о истязаниях чинимых господином Д.Н. Философовым и госпожой Креницыной её людям во время допросов. Полозов, прочтя прошение, вернул его. На имущество бывшего управляющего был наложен арест. Часть имущества семьи заперли в погосте Спасов Клин, а часть

¹Д.М. Рокотов в деле указан предводителем дворянства Новоржевского уезда.

(в том числе денег 830 р.) помещица взяла себе. Семью одели в самое ветхое платье, денег на пропитание не оставили и Полозов отправил всех не в г. Холм под присмотр земского суда, где и должно было производиться дело, а в Новоржевскую уездную полицию без всяких сопроводительных документов, где семья и находилась с 22 июня по 5 июля. Здесь у арестованного приняли прошение и дали ему ход. В прошении он высказал свою точку зрения на происходящее.

Всё дело в завещании покойного коллежского ассесора Николая Креницына. Во время болезни Креницын призвал к себе Фёдора Алексеева, его сына Петра Фёдорова, Анну Александрову. И при жене своей Пелагее Креницыной, ознакомив с завещанием, отдал его сыну Ф. Алексеева Петру и просил и приказывал, чтобы его желание было выполнено.

Фёдору был завещан весь гардероб Креницына, часы золотые с золотую цепочкою, билет на 600 руб., всего на сумму около 11000 руб и была дана вольная. Петру наказывал, чтобы Анну, как родственницу свою (сестра жены Петра), во всём поддерживать. Если барыня что не выполнит, Пётр должен был ходатайствовать в присутственных местах. Ещё обещано было вознаграждение, размер которого должна была установить сама барыня. Жена клятвенно уверяла мужа, что всё в точности и с усердием выполнит. После смерти мужа г. Креницына ничего не отдала из завещанного и обещанного вознаграждения тоже, а «только обещала и ждала случая как удалить Анну, Петра и самого Алексеева от вознаграждения». Пожар оказался таким случаем. Обвинив Алексеева в поджоге и разграблении, и учинив обыск в доме спасоклинского священника (где в это время он проживал), г. Полозов с г. Креницыной отобрали не только деньги и имущество Алексеева, но и всё имущество, которое принадлежало его невестке Парасковии Александровой (более 500 р. приданого, полученного от «С.-Петербургской мадамы англичанки» за многолетнюю усердную службу) и её сестре вольноотпущенной Анне, проживающей совместно с сестрою. Госпожа Креницына так тщательно искала завещание, что забрала все записки, письма не только его семейства, но и священника.

В прошении Алексеев перечислил наказанных дворовых людей и крестьян, «чтобы они впредь при следствии делали показания в пользу г. Креницыной». Наказывались они по приказанию брата Креницыной — господина Д. Н. Философова и в присутствии его. Были выпороты: уполномоченный поверенный человек Александр Иванов, крестьянин д. Терешиха Изот Фирсанов, крестьянин д. Смородовника Дмитриев, крестьяне д. Стволина Александр Савостьянов и Платон Матвеев, крестьянка Афросинья Тимофеева из д. Давыдово. Крестьянину д. Катова старику Семёну Фомину выбрита половина головы господином Философовым. Дворовая жёнка Григорьева в с. Заборье жестоко наказывалась плетьюми г. Философовым, а затем полумёртвая была положена в телегу и увезена с мужем её Никитой Никитиным и 3 малолетними детьми. Свидетелями этому были дворовые люди с. Заборье и священник погоста Пожеревиц, живущий там. Крестьянин д. Гривы Яков Никитин неоднократно жестоко наказывался плетьюми, при этом его поливали солёной водой, а затем забрали в с. Богдановское г. Философова, где заперли в бане. Евсигней Леонов наказывался лишением пищи

по 2- 3 дня. Если допрашиваемые ничего в адрес Алексеева не говорили то им угрожали, а советник Полозов некоторых бил самолично, а именно: самого Фёдора Алексеева, сына его Петра, бывшего работника Фёдора Алексеева крестьянского сына Самуйлу Васильева, работницу-солдатку Катерину Иванову, вдову Акилину Пиманову, с. Цевла приказчика Карпа Иванова, дворовых людей: Зеновья Степанова, Мину Арефьева; крестьян: Якова Дмитриева, Матвея Матвеева и др. На 2-х женщин спасоклинского погоста и Катерину Иванову набиты были колодки. Свидетелями при всём этом были господа из Новоржева Иван Герасимович Клокачѳв и Иван Михайлович Обротин (Абротин).

Алексеев указывал, что советник Полозов действовал при доследовании дела противозаконными методами: приехал прямо с женою и её сестрой к г. Креницыной в с. Заборье, где их всячески угощали трое суток, а затем жена Полозова и его свояченица с детьми были отвезены на лошадях помещицы за 80 вёрст к г. Холм. Сам же Полозов с Креницыной и родственником Дмитрием Рокотовым поехали в с. Цевло, где во время производства следствия находились вместе с помещицей и «угощаемы были всячески и допрашивали людей в личных покоях г. Креницыной». Допросы и почти всё производство дела писали её дворовые люди. После этого г. Полозов со своей семьёй неделю жили в с. Бороватом, принадлежащем Креницыной. «В результате при следствии делано было то, что угодно советнику Полозову и г. Креницыной». В связи с вышеописанным Алексеев просил расследовать дело, заменив не только Полозова, но и родственника Креницыной Рокотова², а так же уездного стряпчего Алексева, так как он являлся стряпчим г. Креницыной. Прошение было препровождено в Псковское губернское правление 8 августа.

Кроме того в Министерство внутренних дел поступила жалоба от жены купца Затейщикова на обиды, нанесѳнные её отцу Фѳдору Алексееву и всему семейству со стороны помещицы Креницыной, с просьбой оказать защиту безвинно заключѳнному под стражу семейству, состоящему из 5 душ, в числе которых беременная невестка и младенец 1,5 лет. Просьбу препроводили псковскому гражданскому губернатору с тем, чтобы было проведено надлежащее исследование и «если жалоба не ложна, то оказать обиженным начальственную защиту».

Переследование, произведѳнного советником Полозовым дела, поручено дворянскому заседателю псковской палаты уголовного суда титулярному советнику Истомину совместно с членом новоржевского уездного суда и новоржевским уездным стряпчим. В ходе переследования надо было обратить внимание на противозаконные действия Полозова, его предвзятое отношение к участникам дела; проверить, верно ли, что Полозов ходатайствует по делам Креницыной, что в гражданскую палату представил на утверждение духовное завещание покойного коллежского ассесора Креницына и в депутатском Собрании ходатайствует о свидетельстве для детей Креницыной. Потребовать с него объяснения по этому вопросу.

Начав переследование, Истомин получает от г. Креницыной заявление, что

²Сестра Д. М. Рокотова Мария Матвеевна была женой Д.Н. Философа.

претензий к своим людям она не имеет. Он дело приостанавливает, ожидая решения Губернского правления. Сенат, выслушав правление, даёт предписание: расследование продолжить.

Осенью Креницына жаловалась государю-императору на псковского гражданского губернатора Адеркаса в том, что он по просьбе Ф. Алексеева велел вновь переследовать, исследованное советником Полозовым и уездным стряпчим Рокотовым дело, что ведёт к запутанности и проволочке.

Правительствующий Сенат затребовал объяснения, которые и были получены. Фон Адеркас писал, что по разрешению императора привлекал к расследованию и не состоящих на службе чиновников и дворян. Обыски проведённые в Петербурге ничего не дали, а Алексеев подал прошение с объяснением, служащим к его оправданию. Сенат сделал вывод, что дело пересматривается не с целью запутать его и не с целью проволочки, а для раскрытия истины.

В марте 1822 г. Алексееву было возвращено имущество, которое хранилось в спасоклинском погосте под присмотром Холмского земского суда, возвращены кожи, арестованные в г. Великие Луки на кожевенных заводах. Выданы отпускные, чтобы семья могла материально себя обеспечивать.

При переследовании Философов пояснил, что был в селе Цевле у сестры и некоторых крестьян наказывал по её просьбе за разные дерзости и ослушания. Якова Никитина и соседа его Евсигнея Леонова брал с собою в с. Богдановское, но только для того, чтобы доставить их по просьбе сестры в с. Заборье, и никаких истязаний не чинил. Но дворовые под присягой показали, что действительно Никитина высекли розгами по приказанию и в присутствии Философова, так как его подозревали в краже господской скринки (ларца. — П.В.) со столовым серебром, а затем забрали в с. Богдановское господина Философова, где заперли в бане. От него добивались показаний на Фёдора Алексеева. Якобы Никитин во время пожара передал ему скринку с господским столовым серебром. Первоначально Никитин говорил, что передал эту скринку соседу своему Евсигнею Леонову, затем сказал, что передал скринку крестьянке д. Давыдовой Соломониде Тимофеевой. И только когда он сказал (по подсказке), что передал скринку бывшему управляющему Ф. Алексееву его отпустили домой, наградив 25 рублями. Евсигней Леонов показал, что его высекли 3 раза розгами по оговору соседом Я. Никитиным, якобы передавшим ему какую-то с серебром скринку. В селе Богдановском какие-то люди стращали его, что вытопят жарко баню, кормить будут сельдями, а пить не дадут. Евсигнею удалось убедить, что его оговорил сосед по злобе и никакого истязания знойной баней не было. Афросинья Тимофеева подтвердила, что была наказана розгами 2 раза по оговору Я. Никитиным — якобы он передавал ей во время пожара господскую скринку. Но наказания производились, без присутствия г. Философова и без его приказания, дворовым человеком Петром Ивановым. Крестьянину д. Катова Фомину г. Философовым выбрита часть бороды (а не половина головы) за то, что он дал бывшему управителю солод, без разрешения барыни. Дворовая жёнка Григорьева в с. Заборье действительно наказывалась плетью г. Философовым, а затем увезена с мужем и 3 малолетними детьми в С.-Петербург.

Наказанные (во время дознания) показали, что г. Полозов первоначально (до допроса) с глазу на глаз беседовал с дворовыми людьми и крестьянами. Екатерина Иванова, Акимья Андриянова подтвердили, что г. Полозов бил их до допроса и сажал в колодки, на допросах в полном присутствии их никто не бил, но г. Полозов очень сердился. Матвей Матвеев сказал, что г. Полозов пытал у него, не отвозил ли он в Холм к дочери Алексева какое-либо имущество. Услышав в ответ, что в Холм ничего не возил, а возил в Спасов Клин, г. Полозов ударил его очень сильно 4 раза в ухо и принуждал сказать во время допроса в присутствии, что возил вещи в Холм. Во время допроса его не били. Авдотья Афонасьева была посажена советником Полозовым в колодки за то, что не согласилась сказать на допросе о имуществе (какое и сколько), привезённом в Спасов Клин Алексеевым (не поверил, что не видела). Выяснилось, что крепостных истязали, но свидетелей нет. В качестве свидетелей истязаний Клокачёв, Абротин, Поздеев не могут быть допрошены, так как у них отобрали объяснения «без привода наперед к присяге» в противность указа 1763 г. и прочим существующим законам (их нельзя привести к присяге во второй раз – советник Полозов в противность законам постарался. — П.В.). Дворовый человек Александр Иванов показал, что видел золотую табакерку с бриллиантами, изображающую льва, и другие дорогие вещи, которые часто г. Креницына возила с собой, но подарена ли та табакерка г. Полозову и золотая цепочка с 4 кусками холста — его жене, не знает. Дворовые люди показали, что Полозовы в первый приезд были дня два, и все 2 дня играла музыка, затем жену отвезли на господских лошадях до станции Бор в направлении Холма. Во второй раз были 3 дня. Полозов кушал за общим столом. Самого Полозова довозили на господских лошадях до села помещика Шушерина, с собою в Псков он взял кибитку с кожаным верхом. По поводу присутствия Креницыной на допросах некоторые крестьяне отозвались неведением, а другие утверждали, что г. Креницына удалялась. Полозов объяснил, что отправил семью подозреваемого Новоржевскому городничему, так как Новоржев ближе, чем Холм.

Самуил Васильев показал, что в прошлый допрос несправедливо оговорил сына бывшего управляющего, якобы тот из амбара через крышу передавал узлы с имуществом. Сам же Самуила был послан накануне пожара в Ратчу за жеребятами Алексева. Вернулся тогда, когда всё село и церковь уже горели. Признался, что оговорил Ф. Алексева и его сына не по научению, а по причине обиды за побои полученные в то время, когда был у них работником.

Креницына давала отвод многим свидетелям, заявленным со стороны Фёдора Алексева: всем церковнослужителям с. Цевла. Их скот и птица нередко замечены на хлебных полях и сенокосах Креницыной. Это приводит к раздору и злобе – возможно мщение; священник погоста Спасов Клин Пётр Михайлов и его жена сами участвуют в разбираемом деле с бывшим управителем; священник погоста Иванькова Илья Семёнов (духовный депутат во время разбирательства дела Полозовым) мог быть в сговоре со спасолинским священником так как ночевал с ним в одной избе; диакон погоста Полиста Николай Ашевский является другом Фёдора Алексева. Креницына также указала, что крестьяне экономической спасоклинской вотчины имеют с нею споры о земле. По словам

поверенного помещицы они неоднократно, и даже уже после пожара, «утруждали государя-императора об отыскании ими земли из её владений». Крестьянин с. Ратчи Иван Алексеев является родным братом Ф. Алексеева, а Савостьян Ильин — племянником.

Креницына «излагала неосновательные подозрения на счёт Истомина» и силилась остановить следствие. Истомин рапортовал, что госпожа Креницына препятствовала проведению переследования, а именно: не присылала людей для допросов. Из 18 запрашиваемых прислала 5-ых и то после 3 запросов, остальных отказалась присылать, даже после нескольких запросов, объяснив это земскому исправнику поручику Барановскому, тем, что «Министр внутренних дел будто бы ей объявил: в случае какого либо притеснения от посланного чиновника, остановить следствие и жаловаться его Сиятельству. В каковом случае прислан будет для производства сего следствия чиновник из С. Петербурга».

Чего боялась барыня? Того, что вскроется правда? Или боялась лжесвидетельства под присягой в качестве мщения? Ведь сама она не брезговала этим, записав в свидетели людей, которые во время пожара были на рыбной ловле в 4 верстах от с. Цевло (Фёдор Григорьев, Данила Матвеев, Корней Иванов, Пётр Иванов, Яков Евсигнеев) и на охоте (2 человека). Крестьяне под присягой показали, в противность ранее данному, что взрыв и пожар случились очень быстро. Большой господский амбар, в котором до 2 пудов пороха хранилось раньше дома загорелся. Звук от взрыва неимоверной силы, как от выстрела пушки, был слышен на озере (в 4 верстах). На всё ушло менее часа. Все испугались. Бывший управляющий никаких распоряжений не давал. Крестьяне показали, что полотно у Алексеева было своё и что г. Креницына сразу искала, но своего полотна не нашла. Крестьяне показали, что оловянная посуда у Алексеева тоже была. Железные вещи (в том числе замки) у бывшего управителя также имелись и имущество своё он вывозил ещё до пожара, а не после.

В 1824 г. Истомин рапортовал, что закончить следствие путём опроса 52 человек не удалось, так как некоторые отсутствовали: 4 человека были отправлены по контракту с купцом Никольским для работы на большой дороге по московскому тракту, 3 умерли, 2 отданы в рекруты, 3 тяжело нездоровы, 1 отдан в ученье в С.-Петербург, 1 дворовая отдана дочери Рокотова в приданое.

Из данного дела невозможно сделать вывод, чем и когда закончилась эта тяжба. В ноябре 1824 г все бумаги были переданы в холмский уездный суд.

Источники

1. ГАПО. Ф. 20. О. 1. Д. 673.